

Всё только начинается!

Эфирграф

ГАЗЕТА ЮНЫХ ЖУРНАЛИСТОВ ШКОЛЫ № 309 ЦЕНТРАЛЬНОГО РАЙОНА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. № 7 (31). 5 МАЯ 2015 ГОДА

ЗАВИСИТ ОТ НАС

Опять война... Только вот не обычная, не между двумя государствами. Это война внутри одной страны. Можно сказать, война государства с самим собой. Гражданская война. Самая, пожалуй, страшная из всех. Мою страну она настигла чуть меньше ста лет назад. Я, конечно, не застала её, как, к счастью, и ни одну из наших страшных войн. Однако, судя по последним политическим событиям, у меня есть все шансы узнать, что такое гражданская война: только что была Украина, может подойти и наша очередь. А что может быть ужаснее, чем идущие друг на друга с оружием соотечественники?

В «Эрарту» я пришла вовсе не на «Бизерту». Меня интересовала фотовыставка «Война, покончившая с миром», посвящённая Первой мировой. Оказалось, однако, что откроется она лишь через несколько дней. И вот, бродя по залам в новом крыле, я нечаянно наткнулась на выставку, посвящённую 95-летию исхода русского флота из Крыма.

«Бизерта — тихий живописный город в Тунисе на берегу Средиземного моря, так располагающий к пленэрной живописи, — был местом последней стоянки русского флота, ушедшего из Севастополя, Феодосии и Керчи осенью 1920 года», — гласил первый абзац на стенде информации. Двадцатый год. Третий, последний этап гражданской войны в России. Большевики уже полностью взяли власть в свои руки. Борьба в стране всё ещё идёт, но уже на окраинах, и большой опасности для красных не представляет. Армия и Черноморский флот вышли из Крыма, и направились в Тунис, в город Бизерта, где возникла русская колония.

Чтобы быть историком, достаточно знать сухие цифры и факты. А чтобы быть хорошим историком и хорошим человеком, нужно уметь разглядывать за этими фактами и цифрами людей. И, как мне кажется, чтобы было проще прочувствовать это, организуются выставки вроде «Бизерты».

Однако на картинах я не увидела ни одного лица, не смогла узнать ни одной истории. Вокруг были красивые морские пейзажи, изображения кораблей с развевающимися на них знаменем российского военно-морского флота (бывшим Андреевским флагом), попадались даже натюрморты. Лиц не было. Они были то в тени, то затуманены. Ни одной пары глаз! Пустота, безлюдье. Тысячи людей, судеб, жизней, драм остались вне внимания художников.

За каждой войной стоит человек

Экспозиция, правда, состояла не только из картин. Был там один объёмный экспонат: повешенный на фоне всё того же Андреевского флага военный мундир. От него, пожалуй, больше, чем от всего остального в этом зале, веяло человеком.

Но вдруг я обратила внимание, что между некоторыми картинами скромно и незаметно, почти сливаясь со стенами, висят небольшие листочки со стихами. «Ирина Корринг». Стихотворения были маленькими и какими-то простыми. Но как резко и ярко вспыхнул вдруг образ человека. Живого, настоящего. Прошедшего лично весь этот ужас, бывшего свидетелем этого кошмара.

Насколько я прочла позже, Ирина Корринг была из дворянской семьи, попавшей в «первую волну» эмиграции. Девочка покинула Россию в четырнадцатилетнем возрасте, прожила в Тунисе пять лет, а потом уехала вместе с родителями в Париж, где жила и скончалась всего через 18 лет.

Сухие цифры, простые факты. А вот одно из стихотворений, написанных ею через год после переезда в Париж:

Стучались волны в корабли глухие,
Впивались в ночь молящие глаза.
Вы помните — шесть лет тому назад
Мы отошли от берегов России.

И всё смогу забыть: и боль стыда,
И эти годы тёмных бездорожий,
Но страшных слов: «Да утопи их, Боже!» —
Я в жизни не забуду никогда.

Так где же больше человека? Для меня — в стихах. Не в фактах и цифрах, представленных историками, а в словах, сказанных самим человеком. Картины на этой выставке — сухие факты. А стихи — это люди. Отчего я так цепляюсь за человека? Да оттого, что он стоит за каждой войной. Он — её виновник, он же — её жертва. В особенности если говорить о гражданской войне. Ирина Корринг — лишь одна из тысяч и тысяч от неё пострадавших. Однако чтобы хорошо понять

горе целой страны, порой достаточно просто рассмотреть повнимательнее одну частную историю. Нам бы не следовало забывать этого. Будет в России гражданская война или нет — зависит только от нас.

В 2015-м году вся страна празднует 70-летие Великой Победы. Почти в каждой семье есть кто-то, кто воевал, либо пережил блокаду Ленинграда. Давайте снова перейдём на частности, вспомним этих героев, сделаем правильные выводы и постараемся не допустить ещё одной страшной войны.

Катерина Морозова

«ГРУСТИТЬ С ТОБОЙ, ЗЕМЛЯ МОЯ,

Глухая, слепая, нелюбопытная, словом, «вся в себе» – так бы я и существовала, не подозревая, что тремя этажами выше живёт наследница Великой Победы. Преодолев лестничные пролёты, попадаю в квартиру – машину времени. Ну что, поехали!

Папина дочка

Транспортировка сплетен – досуг одних, иным приятнее обсудить «болячки». Моя же соседка, Аза Степановна, говорит со мной об истории и политике. Но, кажется, нет для неё темы приятнее, чем воспоминания об отце и его заслугах перед Родиной, ведь он в числе других приближал ту Победу, годовщину которой вся страна дожидается с особой гордостью. «Вы подумайте, 70 лет! Дай Бог столько прожить», – пронеслось в моей голове, а ей минувшие десятилетия кажутся одним днём, именно столько и потребовалось, чтобы «отсканировать» пласты воспоминаний и настроиться на рассказ.

«От папы я получила духовное наследство – архив, который он собирал всю жизнь, мне передал после его смерти. Я была так счастлива, что всё досталось именно мне, ведь нас у папы шестеро», – признается благодарная дочь. Своё «наследство» она отложила разделить с читателями.

«Боец, агроном, поэт»

«Начнём со знакомства – папочка мой был красавец: тёмно-каштановые волосы, зелёные глаза; много для страны сделал, он был личностью». Этот человек прожил насыщенную жизнь, примерив множество ролей: «Боец, агроном, поэт», – пестреет заголовок газеты «Приуралье». Поедем узнать его историю сначала.

Степан Ильич Балашов родился в городе Уральске на Казахской земле в 1907 году. К 12 годам осиротел и был сдан на попечение детского дома, затем поступил в школу, позже преобразованную в сельскохозяйственное училище. Юношей наш герой начал писать стихи и впервые опубликовал их в коллективном сборнике «Польнь» под псевдонимом Степан Несмелый. «Несмотря на все свои таланты, отец был очень скромным человеком», – заметила дочь.

В 1939 году его распределили в казахский аул «поднимать село». В том же году он уже выступал на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в Саратове, где продемонстрировал рекордный урожай проса, за что был занесён в книгу почёта и избран депутатом райсовета.

В «сороковые роковые» агроном облачился в военную форму. Первое время собирал тёплые вещи и про-

дукты на передовую, затем учился в ополчении: в мордовской деревне его подготовили на снайпера за 40 дней, а в апреле 1942 призвали на фронт. Сначала воевал в составе легендарной 35 гвардейской стрелковой дивизии, боевой путь которой описан Н.И. Афанасьевым в книге «От Волги до Шпрее», а затем переведён в 171 стрелковую дивизию, бравшую Берлин, штурмовавшую рейхстаг.

«Две его открытки, присланные из Берлина, достойны музея: в одной он послание нам, дочерям, написал, а на картинке три девочки – вылитые мы: такие же причёска, бантики и мишутка плюшевый, это ж надо было там такую найти! А вторая датирована 9-м мая 45-го года», – восхищается рассказчица.

На фронте как зеницу ока солдат берёт две фронтные тетради, где набрасывал стихи. Записи, в качестве конспирации, не раз приходилось уничтожать, но теперь они, по памяти восстановленные, пропитанные кровью и дымом, служат достойным украшением моему рассказу.

В течение войны он был трижды ранен, из-за чего до июля 45-го задержался в госпитале. «Возвращаясь домой, он сумел подобрать где-то на свалках детское платьице в горошек, которое мы с сёстрами по очереди носили, а маме сумочку и шубку – вот и весь его трофей, – вспоминает дочь о долгожданной встрече с отцом, – а с повязками ходил ещё до 47-го, мама его каждый день перевязывала, несколько операций перенёс, но так и проходил с осколками до конца жизни». По окончании службы был удостоен государственных наград.

На склоне лет вёл общественную работу при редакции областной газеты «Приуралье». «Живу, чтобы работать. В этом смысл жизни», – цитирует отца собеседница. Умер, встретив 85-летний юбилей, в 1992 году.

«По своим следам»

Однажды Степан Ильич принял за мемуары. Его дочь позволила нам ознакомиться со второй частью отцовского дневника, названного «По своим следам», с его военными воспоминаниями.

Даже со «связанными руками» наш герой вместе с товарищами вредил фашистам, будучи у них в окружении:

«Вечером обычно зерно мы растаскивали по домам в пазухах и карманах так, что немцам почти ничего не оставалось. <...> Кто-то придумал провести «неделю замедленных темпов», мы волынили целыми днями. Единственный комбайн на уборке нового урожая, уже осыпавшегося, вывели из строя, а косами с граблями на конце много не накопишь. А однажды растащили всю рожь из общего амбара, чтобы она не досталась врагу. Вредили ему, чем могли».

Уникальные воспоминания о пребывании в Польше, на границе с Германией достойны внимания:

«По дороге к Варшаве в маленьких городках и деревнях нас тепло встречали поляки, кое-где они бойко торговали хлебом, булками, самогомом и прочей снедью. <...> У поляков мне запомнилась их набожность – в каждом селе костёлы с органами, в залах простые кресла для сидения прихожан. На перекрёстках дорог кресты с распятием Христа и лика Божьей Матери. <...> К слову сказать, с выходом на Польскую землю мы редко питались из своего котла. Население часто снабжало нас продуктами, особенно свиным мясом».

Ну а вот заметка о том, что не требует разъяснений:

«Но насколько русский человек отходчив и гуманен: я не видел, чтобы наши расстреливали врагов, их просто отправляли в наш тыл, разоружив, подчас без конвоя. Вообще-то ещё перед вступлением в Польшу, наши политработники говорили нам о высокой освободительной миссии Советской армии и всячески предостерегали от бессмысленных актов жестокости и мести».

«И у врага есть чему поучиться», – считал Степан Балашов:

«Что мне понравилось у немцев – это хозяйство и порядок: добротные дома, удобные кухни со всякой утварью, скотные дворы, огороженные пастбища. Позднее я видел, как во дворах выполотую траву складывали в бетонированные ямы, чтобы не разводить мусора. <...> Бросилась в глаза ещё одна деталь немецкой рачительности: кладбища находились в образцовом порядке, с мраморными надгроб-

«Папочка мой был красавец: тёмно-каштановые волосы, зелёные глаза»

Фото: из архива А.С. Поповой

биями. Правду говорят французы – «Кто не уважает мёртвых, тот не любит живых»».

О долгожданных и бесповоротных подступах к Берлину он пишет так:

«На преодоление 60-километрового расстояния до Берлина Советским войскам потребовалось 5 дней. Сильный оборонительный рубеж со знаменитыми Зееловскими высотами враг защищал с безумием обречённого, защищая каждый населённый пункт, улицу, дом. Но сопротивление фашистов было сломлено. Я впервые увидел огромное количество брошенной немецкой техники, их расхваленную дальнюю пушку. Их управляемые снаряды оставляли такие воронки, что в них мог поместиться средний дом. На каждом шагу нас ожидали мины. <...> Большие надежды гитлеровское командование возлагало на фауст-патроны, реак-

тивные гранаты, похожие по форме на графин с длинной рукояткой для борьбы с нашими танками и живой силой».

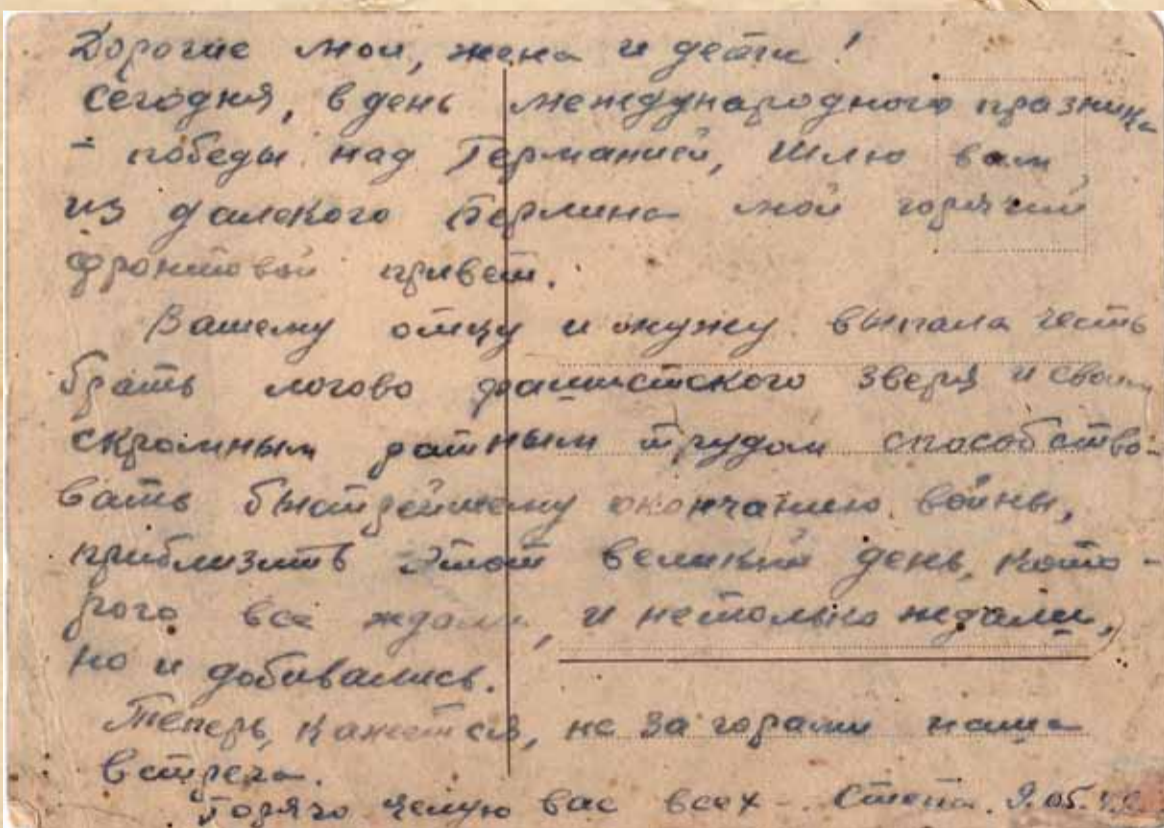
Читая о легендарном захвате рейхстага, будто сам переносишься в Берлин, борясь плечом к плечу с героями:

«30 апреля над рейхстагом взвилось Знамя Победы, в штурме его участвовал 79 стрелковый корпус, в том числе 150 стрелковая дивизия генерала Шаталова и наша 171 стрелковая дивизия (полковник А.И. Негода). Наш взвод, как всегда, готовил данные для орудий, обстреливающих рейхстаг и поддерживающих пехоту. Сержанты Кантария и Егоров, водрузившие Знамя над рейхстагом, из нашего корпуса, только из 150-й стрелковой дивизии. В числе других воинов я оставил свой автограф внутри здания, массивного, серого, с толстыми стенами, со стеклянным куполом. Некоторые наши ребята

И ПРАЗДНОВАТЬ С ТОБОЙ»

«Это ж надо было там такую найти!»

ходили в Имперскую канцелярию посмотреть на трупы покончивших с собой фашистских главарей — Гитлера и Геббельса».

Когда дело в шляпе и победа в кармане:

«2 мая капитулировал весь Берлинский гарнизон. Над Бранден-

бургскими воротами и вдоль улицы Унтерденлинден и других улиц, ведущих к воротам, полыхало пламя Красных знамен; всюду встречались портреты наших прославленных полководцев Жукова и Конева. Из окон жителей понуро висели белые флаги, как знак признания

полного поражения. Наверное, в эти дни я близко рассмотрел знаменитые Бранденбургские ворота».

9 мая 1945 год, прямой эфир, Берлин:

«День Победы мы встречали в Берлине. Весь личный состав полка был выстроен под боевым

«Весна 1945 года»

Среди тревог, в накале ратных дел,
В окне разрывов на полях сражений,
Совсем я не заметил, просмотрел,
Весны приход и буйное цветение.

И как-то странно: смерть ещё грозит,
А жизнь, как пульс, повсюду бьётся, бьётся,
И в каждой капле утренней росы —
По яркому, хоть крошечному солнцу.

И я спешу пойти и досчитать
Последние к Берлину километры,
Чтоб Родину на радостях обнять
И задохнуться от степного ветра.

С. И. Балашов

знаменем, с которым прошли перед строем ветераны. <...> Весь полк сделал салют из автоматов, мы обнимались, целовались, плакали от радости. В тот день нам устроили праздничный обед. Мы поздравили родных с Великой Победой. Эта открытка сохранилась в доме. <...> Вокруг перед строем нам зачитали приказ, в котором отмечалось, что многие воины полка представлены к наградам. В их числе и я — медалью за отвагу. <...> При медосмотре врачи увидели мою открытую рану, покачали головой, удивляясь, по-видимому, как это я шёл в бой таким... Меня сразу отправили в госпиталь в городе Ратенов, западнее Берлина на 60 км. Зондирование показало, что осколки находятся от входного отверстия в 11 см.»

«Пора в путь-дорогу».

«Итак, в июле домой. В ожидании поезда в Берлине я ещё раз прошёл к рейхстагу через знакомые Бранденбургские ворота. Завалы уже были очищены. Перед входом в рейхстаг «вчерашние победители» бойко торговали зажигалками, чистили обувь. <...> Проехал по метро до центральной площади Александрплац. Метро глубокое, серое, неуютное, местами зияли воронки от бомб, пробивавших всю толщу над тоннелями. Население работало на очистке города, разбитого и сгоревшего наполовину. Фашистское логово являло жалкую картину. Нас ехало на Родину много. В вагонах только сидячие места, купе человек на 6. <...> Мне очень хотелось поглядеть Варшаву. Она и Прага на Правобережье — сплошные руины. Перед этим мы осматривали Познань.

Та же история. <...> В эти дни по линии железных дорог можно было видеть часто стоявшую охрану: говорили, что едет Сталин в специальном эшелоне, на Постдамскую конференцию «Большой тройки». Доехали до Бреста. Родная сторона! Город разрушен, под развалинами. Мы ещё не знали тогда о героизме гарнизона в начале войны».

«Снова в родных краях», — красными чернилами выведен заголовок в дневнике:

«Остановился поезд на станции Шипово. Выхожу с волнением на перрон. Никого из родных. Знакомые узнают, поздравляют, бегут в магазин, где работает мать. А я иду знакомой дорогой домой. Вот и он! На крыльце 3-летняя девочка сидит, догадываюсь, что это самая маленькая, Светланка. Прибежали другие девчонки. Ба — как выросли! В солдатском вещмешке были недорogie гостинцы. Раздаю, жадно ласкаю детей, слёзы катятся по щекам. Прибежала мать. Как же ты сохранилась, Маня? Как сберегла четырёх крошек без меня?! Пусть когда-нибудь она сама расскажет об этом. А нам — солдатам оставалось благодарить наших жён и матерей за тяжёлые испытания, героизм в тылу, за их стойкость и мужество, помогавшие нам на фронтах».

Этими словами автор открывает свой дневник, пусть они послужат напутствием читателю:

«Каждый человек оставляет следы в своей жизни только у одних они глубокие и широкие, смело и прямо проложенные стройной цепочкой, хорошо видные всем, и по ним легко идти сзади идущим, — не заплутаться в сложном лабиринте жизни. У других следы мелкие, чуть приметные; но если присмотреться к ним пристально, можно увидеть в них что-то целенаправленное, осмысленное. И как бы ни велика была разница между этими категориями людей, они обязаны, как свидетели определённых событий, оставить о себе хоть крошечные воспоминания, в которых всегда найдётся рациональное зерно, крупинка опыта, нужного другим».

Виктория Степанова

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОЙ НИНЫ

Обрывки фраз на немецком доносятся до девятилетней Нины, спрятавшейся в кустах. Испуганные глаза мечутся по территории, открывающейся сквозь ветки. Нина внимательно смотрит на печку, стоящую посреди пепелища. Это пепелище – их дом: мамы Маруси и её шестерых детей, которых накануне выгнали босиком на мороз, а хатку, облив керосином, сожгли.

Разрушены не только дома, разрушены юные жизни

Четыре немца с автоматами окружили печь и, злобно ухмыляясь, пытаются оттуда кого-то выманить. Один из них держит в руках сахарок, а другой, присев на корточки, жестами зазывает несчастного.

Оказывается, пока старшая сестра обустроивала соседский сарай для ночлега, маленький Коля вернулся в то место, где родился и вырос, но от дома осталась всего-навсего печь. Нагретая от пожара, она приютила прозябшего мальчишку...

И вот в кустах раздаются вскрипы Нины: она увидела перемазанного гарью братика, беспомощно закрывающего ладошками глаза от страха. Фрицы стреляют в воздух. Пыльный сахарок исчезает в кармане немца, сидевший на корточках парень встаёт, отряхивается и поднимает с земли сухие палки. Деревяшки для топки засовывают внутрь, автомат упирается дулом в плечо Коли, не давая ему пошевелиться. Из печи валит дым. Нина прижимает голову к коленям, а нечеловеческий вопль Коли разрывает тишину в округе.

Мёртвое тельце шестилетнего брата свисает с рук онемевшей от боли сестры. Отец семьи погиб на Курской дуге за два месяца до трагедии. И мать, оплакивая сына, скажет: «Как же повезло вашему папе, что ему не пришлось хоронить собственного ребёнка».

Моя прабабушка Нина прожила долгую и яркую жизнь – в доме, построенном на пепелище. Я часто слышала от неё истории про войну, и она всегда говорила: «Какое счастье, что вы знаете о ней только из рассказов».

Рассказ бабушки записала
Светлана Николаева

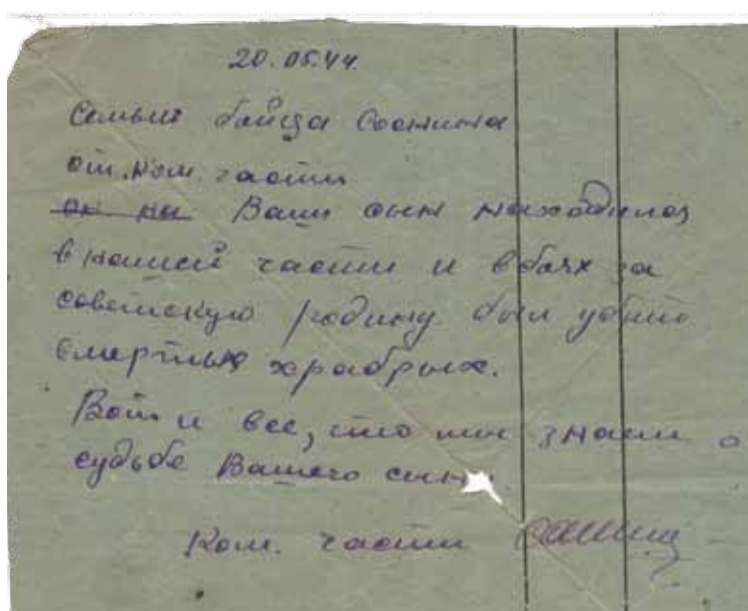
ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСТОЧКА

Это история – одна из миллиона подобных. Мать и сын. Боль и трепетная надежда на то, что твой сын вернётся с фронта. Долг сотни тысяч людей перед отечеством, скорбь и вера.

Александра Дмитриевича забрали в армию в 1943 году, когда ему только исполнилось 18 лет. Сейчас с трудом верится, что это был мой прадедушка. Его мать, Соснина Аграфена Ивановна, как и любая другая мать, провожала своё дитя на фронт, в те места, где не шадящая никого война окутывала пеленой смерти всё живое. Единственным, что помогало поддерживать связь между родными людьми, были письма. Такие редкие, но такие долгожданные. Шли месяцы, а вестей от сына всё не было. И вот оно, первое из трёх, желанное письмо, датированное 10-м января 1943 года:

«Здравствуйте, дорогие родственники, мама и Вова. Шлю вам свой чистосердечный привет и массу наилучших пожеланий. Сегодня я нахожусь рядом у передовой (цензура, замазано) и сегодня же выезжаю на другой фронт. Сильно не расстраивайся, дорогая мама. Со мной находится Макунов Мишка и Докушев Дима. Кормят очень хорошо. Привет всем родственникам. Ваш сын, Саша».

На письме стоит равнодушный штамп «Просмотрено. СССР» и номер.

Следующая весточка пришла лишь через 10 месяцев.

3 октября 1943 года:

«Здравствуйте, мама и Вова. Шлю вам свой чистосердечный привет и массу наилучших пожеланий. Я нахожусь на Днепре. Дорогая мама, я уже проехал половину Украины. Везде видел чудовищные злодеяния немецких недругов. Я живу очень хорошо и очень хорошо здоров. Я даже поправился так, что воротничок не сходится. Очень соскучился об вас. Передай привет мама Ксеньке, дяде Алексею и его семейству, Маше и Наде. Я недалеко от города Переславль. В ответе опишите, как вы живёте. До свидания, ваш сын Саша»

И опять равнодушный штамп «Просмотрено».

Следующее письмо пришлось ждать совсем недолго. Через 27 дней бумага с уже не таким отчетливым почерком, точнее, практически совсем непонятным, дошла до матери. Саша был ранен.

Письмо датировано 30-м октября. «Здравствуйте, дорогая моя Мама и брат Вова, а также моя крестная Ксенька. О себе сообщаю, что я жив. Письмо ваше ответное получил. Мама, сейчас нахожусь на отдыхе в (замазано цензурой). Верю мама, что мы увидимся скоро хоть на два часика. Прошу, не расставайся, но я был слегка ранен в голову, прошу передать всем привет,

Фото: из архива автора

я скоро вернусь с победой. Ваш сын, Саша». Письмо просмотрено, штамп.

После этого вестей от Сашки снова долго не было. Мать писала, но не получала ответа. И вот оно, письмо. Но оно уже не от него...

«Ваш сын находился в нашей части, в боях за советскую Родину был убит смертью храбрых. Вот и всё, что мы знаем о судьбе Вашего сына». Подпись.

Моя семья до сих пор считает дядю Сашу пропавшим без вести. Это скорбь, это боль. Это история из миллиона подобных.

Лиза Тихонова

ВОЙНА НЕ ПОНАРОШКУ

Дождливое питерское лето за окном первого этажа, небольшая светлая комната, по всей видимости, детская – маленькая кровать и обилие игрушек наводят на эту мысль. Молодая женщина неторопливо передвигается по периметру с пылесосом в руках, как вдруг в комнату влетает зарёванная девочка лет пяти с виду, бросаясь к маме, тут же оставившей своё занятие и крепко обнявшей ребёнка.

– Мама-а-а! – девочка утыкается в плечо женщины, заодно вытирая лицо об недавно купленную кофточку.

– Что, моё солнышко? Что случилось, кто тебя обидел? – мама встревожена, ведь кто-то или что-то довело до слез её сокровище, такое бывает нечасто. Ребёнок поднимает голову и сквозь слезы отвечает:

– Там мальчики во дворе в войнушку играют, я с ними тоже, а они меня уби-и-или-и!... – девочка вновь заходится в плаче. – Ма-а-ама, они в меня пулькой попали-и-и...

Облегчение на лице матери видно невооруженным взглядом. Она целует ребенка и подходит, держа его на руках, к шкафу со стеклянными дверцами, за одну из которых вставлена небольшого размера фотокарточка. На ней изображена женщина лет двадцати в военной форме, с выбивающимися из-под пилотки кудрями и тревожным взглядом. Мама подносит девочку поближе к изображению:

– Ты знаешь, кто это? – ребёнок отрицательно мотает головой. – А это твоя прабабушка, её звали Женя. Евгения Георгиевна. Когда

началась война, я тебе про неё рассказывала, она сразу пошла записываться добровольцем – не взяли. Отговаривали. А твоя прабабушка настаивала:

«Мне Родина дала всё, и я для Родины – всё». Взяли.

Слезы на лице девочки исчезают окончательно, взгляд её впиивается в изображение, а мама вполголоса, словно для себя, продолжает говорить:

– Всю войну она прошла там, в действующей армии, хоть не на переднем краю фронта, то есть не в боях, а в госпитале рядом. Мне рассказывала мало, тяжело было вспоминать... На войне, солнышко, убивают по-настоящему, там страшно находиться.

Девочка вдруг поднимает серьёзные глазки и беспокойно тараторит:

– Мам, а мы в войнушку играли... Это же плохо! Войны – это плохо!

Лёшка меня понарошку убил, а я испугалась. А по-настоящему – это же насовсем! Вот прямо раз – и всё... Так...так нельзя! Когда я вырасту и буду важной, сделаю, чтобы нельзя было воевать, ага?

Мама ничего не говорит, просто молча обнимает свою дочурку, а в краешках её глаз видны слезы.

Это было много лет назад. Та зарёванная девочка – я, а женщина с фотокарточки, ныне стоящей в рамке на пианино, – моя прабабушка Евгения Георгиевна Пахомова, встретившая Вторую Мировую на Северном Кавказе. Она благополучно её прошла и чуть-чуть не дожила до свадьбы моих родителей. А я теперь только понимаю по-настоящему, насколько страшна может быть война. И очень-очень хочется исполнить детское желание: сделать так, чтобы нельзя было воевать. Никому и никогда. Даже с игрушечными пулями.

Марина Казакова

ДВЕ МУЗЫ

Любимая музыка от 80-х до сегодня на «Радио для двоих». А следом звучит попсовая мелодия типа: «Я тебя любила, а ты меня не очень, ну и наплевать, впрочем».

«Всё, блеск, мой день испорчен», — бурчу я. Но если призадуматься, то какое же счастье слышать эти незамысловатые песенки вместо тревожных голосов дикторов, которые всё чаще возвращают память к кадрам документальной хроники, на 70 лет назад... Кто-то так же, как я, включил радио, поставил чайник и... всеобъемлющий, проникновенный голос Левитана возвестил об окончании мирного времени.

Семьдесят лет. Вдумываешься в цифру — целая жизнь! За это время уже выросло два поколения. Два поколения не видевших войны девочек и мальчиков, которые никогда не узнают, что такое «война сорок первого», сухо описанная в учебниках истории.

Как бы ни старались актёры и режиссёры, снимая художественные фильмы о войне, о Блокаде, им вряд ли удастся передать тот ужас, холод и ту, титанической крепости, силу духа, непоколебимую волю к победе, неистребимое желание жить! То ли дело документальное кино... Но много ли документальных фильмов о людях бло-

кады вы видели? Да, именно о людях, ибо настоящая война, разворачивается не в тёплых кабинетах с дубовыми столами, которые ломаются от продуктов, доступных только избранным в городе, сражающемся из последних сил. В городе, который так подло был осаждён и так гнусно разрушен. В городе, который своей стойкостью спасают Люди.

Имя Ольги Берггольц известно почти каждому россиянину и совершенно каждому петербуржцу. Русская советская поэтесса, прозаик, журналист, словом — человек эпохи и века. Именно её голос крепко держал дух советского народа, русских солдат, всех невинных жителей Ленинграда, от лица которых она говорила в тяжёлые годы лишений и страха: «Я говорю, нас, граждан Ленинграда, не поколеблет грохот канонад, и если завтра будут баррикады — мы не покинем наших баррикад...». Ольга Берггольц — это символ военного города, города, героически выстоявшего и выдержавшего оборону. Но много ли ещё вам известно о ней, о человеке с неверо-

ятно тяжелой судьбой? Слышали ли вы когда-нибудь этот голос?

Я слышала. Два года назад мне посчастливилось познакомиться с совершенно невероятным человеком — Людмилой Евгеньевной Шахт. Людмила Шахт, на мой взгляд, один из величайших режиссёров-документалистов XXI века. Она сняла более 50 неигровых фильмов, один из которых — «Ленинградка. Голос. Правда. Память.» — трилогия об Ольге Берггольц. Сюжет, задевший меня до глубины души! Как говорит сама Людмила Евгеньевна: «Чтобы сделать фильм о Человеке, нужно познать время.» Действительно, создание этой картины потребовало от Людмилы Шахт невероятных усилий: после войны оказался практически уничтоженным музей блокады, сама Берггольц ждала ареста, были изъяты блокадные книги, уничтожена значи-

тельная часть радиовыпусков, блокадный архив был спрятан внутри передач, так что записи сохранились кусками, только благодаря радиотехникам. И всё-таки лента о Человеке удалась.

Когда я впервые увидела фильм, в душе всё перевернулось. Это кино не похоже ни на один иной документальный проект. Картина собрана из невероятно мелких кусочков, которые режиссёр на протяжении четырех лет отыскивала во всевозможных архивах, библиотеках, государственных учреждениях... Людмила Евгеньевна настолько прониклась идеей своего замысла, что даже сейчас, когда фильм завершён, она не перестаёт находить всё новые и новые факты, истории из жизни легендарной личности Ольги Берггольц.

Часто говорят, что глаза — это зеркало души. Так вот, таких глаз как у Людмилы Шахт я не видела

никогда в своей жизни, ни у кого. В этих глазах огонь, трепет, Муза. И что-то ещё. То, что я не могу объяснить, возможно, это и есть свет души. Души, которая знает, для чего она в настоящем мире и которая нашла отражение в каждой плёнке невероятного автора.

Я рассказала о двух совершенно удивительных женщинах: о художнике и его Музе. И о потрясающем фильме, не посмотреть который, по-моему, значит многое потерять. Ибо пока существуют такие мастера, как Людмила Шахт — с такими глазами, душой и мыслями, до тех пор будут жить такие герои, как Ольга Берггольц, с её всееляющим силу, голосом и потрясающим стихотворениями.

Анастасия Волощенко

ЕЁ СЛОВА ШЛИ ОТ СЕРДЦА...

На моей кухне нет телевизора. Поэтому каждое утро, когда я завтракаю, мне приходится слушать радио. Его купила ещё моя бабушка; оно очень старое, светлосинего цвета, уже немного потёртое, и на нём нельзя менять радиоволны, так как там всего одна кнопка, которая помогает регулировать громкость.

Каждый день, за месяц до Дня Победы, диктор сообщает интересную информацию о блокадном Ленинграде. Вчера, например, шёл разговор о театрах, работающих во время войны, а позавчера в студию пригласили ветерана, и он рассказывал, как содрогался каждый раз от страха, сидя в холодной школе, когда падала бомба. Сегодня два ведущих говорили о работе радио во времена блокады. В основе разговора лежала книга Ольги Берггольц «Говорит Ленинград». Я слушала передачу с упоением, целиком погрузившись в её атмосферу, а вечером обратилась с расспросами к своей бабушке. Хоть мне и было известно про Ольгу Берггольц достаточно много, но интересовало, как воспринимали её сами жители города-героя — те, кто был в центре событий, те люди, которые благодаря голосу, звучавшему с пронзительной силой, знали всю жестокую правду Ленинграда, за все 900 дней блокады.

Отыскав бабушку на кухне, я отвлекаю её, засыпаю вопросами. Она вроде и рада рассказать, о чём помнит, ведь была ещё ребёнком, когда война настигла всю её семью. Но есть что-то во взгляде, полном тоски и печали, что заставляет понять,

насколько тяжело человеку ворошить те военные годы. Пожилая женщина пересиливает себя. Она вспоминает: «Голос Ольги Берггольц обладал невероятной властью, когда она говорила. Казалось, всё вокруг замирало, её слова шли от сердца, жестокой правдой проникая в сердца всех слушателей, всех ленинградцев, поднимая боевой дух, укрепляя решимость». Действительно, ведь мог ли кто-нибудь подумать, что прежняя писательница детских рассказов станет настоящим голосом блокадного Ленинграда. Бабушка ненадолго задумывается, затем снова продолжает свой рассказ: «Все жители города не с меньшим рвением, чем окончания самой войны, ждали, когда в эфире зазвучит голос Ольги Берггольц. Все мы были оторваны от мира, не знали, что происходит за пределами Ленинграда, а этот радиоразговор был нашей единственной ниточкой, связывающей с реальным миром — ниточкой надежды». Было сказано ещё очень многое. Например, как даже в самые холодные зимние дни Ольга Берггольц неустанно приходила в редакцию радио, как даже потеря мужа не помешала ей ежедневно выходить в эфир.

Рассказ бабушки поразил меня. Когда ты слышишь подобное от

Я говорю, нас, граждан Ленинграда, не поколеблет грохот канонад, и если завтра будут баррикады — мы не покинем наших баррикад...

человека, который находился там, в блокаду, который лелеял лишь одну надежду — услышать голос, дающий понять человеку, что он ещё жив, что надежда есть, что нельзя сдаваться, то уже не можешь смотреть на мир по-прежнему. Не можешь, стоя 9 мая напротив мемо-

риальной стены, равнодушно взирать на строчки «Никто не забыт, ничто не забыто». Ты понимаешь всю нравственную силу лозунга и осознаёшь его влияние на людей вокруг: детей, что проходят мимо, не понимая значения слов; на подростков, не задумывающихся над

ними; на взрослых, помнящих их смысл ещё со школьной скамьи, и на ветеранов, кто поистине может сказать, что для них эта фраза — нечто большее, чем пустой звук.

Лидия Черёмушкина

ГЛАВНОЕ, ЧТО ДОШЛИ...

14 марта. На улице солнечно. Я сижу в гостях у бабушки и, рассматривая её фотоальбом, невольно останавливаю взгляд на слегка потрёпанной, но очень живой чёрно-белой фотографии. На ней — мой прадедушка в возрасте 20 лет, когда-то принимавший участие в Великой Отечественной войне. Он сидит на легендарном танке Т-34 и, улыбаясь, смотрит прямо в камеру. Я вытаскиваю фотографию из альбома и на обратной стороне вижу размытую дату: 9 мая 1945 года. В голове быстро мелькает мысль, что прошло уже 70 лет, а бабушка до сих пор так бережно хранит это фото! «Твой прадедушка Анатолий Алексеевич Воронин, — говорит она мне, входя в комнату, — записался добровольцем в РККА в возрасте 16 лет. Молодые ребята хотели попасть тогда на фронт, часто прибавляя себе года. Прадедушку твоего записали в танкисты. В ту пору все взрослые мужчины были уже на войне, а девушки и женщины трудились в тылу: работали в госпиталях, на ткацких фабриках, заменяли мужей у станков... В общем, все пытались помочь своей Родине, как могли. Особенно мальчишки-добровольцы, прибавляя возраст, чувствовали себя настоящими мужчинами. Но этих совсем юных бойцов отправили сразу в самое пекло. Анатолий Алексеевич оказался на Украинском фронте...». Бабушка остановилась, что-то вспомнив, и снова продолжила: «Как рассказывал папа, было очень жарко, порой сквозь дым и гарь даже не видели цели, стреляли, куда глаза глядят». Тут она улыбнулась и добавила: «Он хранил портсигар, спасавший его от шальных пуль, подаренный сестрой Варей, которая была ему очень дорога. Этот, почерневший от времени, со следами и вмятинами, не один раз спасавший деда от пуль, портсигар жив и сейчас. А тогда он хранил его в кармане гимнастёрки прямо под сердцем. Рассказывал дед и про 100 грамм наркомовских, которые давали солдатам перед боем. Каждый год в праздник Победы он вспоминал их, поднимая бокал», — посмеялась она. «Дошёл он до Берлина, а там — победа! Домой фронтовики усталые вернулись, но очень счастливые... Главное, что дошли», — заканчивая свой рассказ, она прибавила: «Многих друзей не досчитался тогда дед... На 9 мая всегда поднимал те самые «наркомовские» за всех не пришедших, что в землю нашу полегли когда-то. Нам надо беречь этот мир, эту землю, это небо и это всё-всё-всё...».

Этот рассказ сильно запал мне в душу. Нет всё-таки никого храбрее русского народа. Его подвиг мы будем помнить вечно и не дадим переписать нашу историю в угоду тем, кто сейчас помогает фашизму снова поднять голову.

Дарья Боголюбова

ОБЫЧНОЕ ФОТО

Передо мной лежит небольшая фотография. Обычное групповое фото в яслях. Четырнадцать малышей сидят, стоят, лежат на руках у воспитательниц, выглядывают из окна игрового домика, держатся ручками за перила лестницы. Практически на всех — свободные рубашечки, колготки и белые носочки. Улыбаются ровно половина, остальные смотрят в кадр с недоверием, интересом или даже с испугом. На столе, который находится в центре фотографии, букет какой-то зелени. И вроде бы такое обычное фото, но, когда наверху замечаешь надпись: «Ясли № 179 Ленинского района», а потом и дату — 1943, начинаешь внимательнее разглядывать каждую деталь, каждое детское личико. Дети войны. В 1943 году моему дедушке Владимиру Ниловичу было всего 4 года. Кроме этой фотографии я случайно обнаружила архивную справку — удостоверение к знаку «Жителю блокады Ленинграда». В небольшой папке остались только справка и фото.

Фото: из архива автора

на которого так похож мой отец. Вот и всё. Вот и всё, что я смогла узнать о жизни моего дедушки в годы войны. Если бы я родилась лет на 10 раньше, то ещё бы услышала историю «из первых уст». Если бы... Становится так невыносимо обидно и стыдно от осоз-

нания того, что ты не спросил, не запомнил, не услышал... А главное, сразу осознаёшь, как бережно надо относиться к людям, сопричастным к тем событиям. Давайте же беречь и заботиться о них, чтобы как можно больше современников услышали историю от очевидцев,

ведь сейчас уже далеко не в каждой семье остался человек, переживший Великую Отечественную войну. Поколение сменяется поколением, люди уходят, но память остаётся.

Анастасия Сергеева

МОЯ ИСТОРИЯ

«Это был наш первый вальс. Я, не умея его танцевать, наступал ей на ноги, а она счастливо хохотала. Её улыбка была настолько красивой, что заставляла всех мальчишек нашей школы улыбаться ей в ответ, даже когда совсем не было настроения или сил. Я смотрел на неё и влюблялся с каждой минутой всё больше и больше. В актовом зале пахло цветами и ромашковым полем, наверное, именно так пахнет счастье», — рассказывает мой дедушка. Тяжело вздохнув, он продолжил дальше. «С первого класса были вместе. Одна парта. Один подъезд. Её отец доверял мне с детства, я был

ответственный за двоих и любил её по-дружески, зато от всего сердца. Галя, моя Галечка...». Дедушка замолчал. Я понимала, как тяжело ему даётся рассказ о моей прабабушке. Они были ещё совсем детьми, но, как пишут газеты, «война настигла их внезапно». В тот вечер, 22 июня 1941 года на школу было сброшено 15 зажигательных бомб. «Всё, что я помню, — начал дедушка, — крики, дым, стоны. Я ринулся искать Галю. Она должна была находиться рядом. Я нашёл её под куском стены, которая рухнула после сброшенных бомб. Её снежно-

белое платье оказалось смешано с грязью и кровью. В тот момент я думал, что потерял самое ценное. Мне было наплевать на остальных, главное — она». Дедушка встал с кресла, взял пачку «Беломорканала» и вышел на балкон. Я уже начала сомневаться в правильности своего поступка и хотела закончить расспрос, как он продолжил: «А знаешь, Марина, нынешнее поколение пытается исказить, а то и вовсе переписать историю тех лет, ты согласна со мной?». Мой ответ был чётким и резким: «Да!». Мир начинает забывать великую катастрофу, произошедшую в 1941 —

1945 годах. Люди пытаются переписать историю. Их попытка оправдать фашизм неуклонно ведёт к разрушенному будущему, а если выражаться ещё точнее, не ведёт к будущему вовсе. На этом фоне нельзя не упомянуть о великой роли СССР в победе над нацистским режимом и о роли современной России в сохранении памяти тех лет. В сохранении подвигов, на которых воспитывается нынешнее поколение.

Докурив сигарету, дедушка встал в проёме двери и начал оглядывать комнату. Подойдя к стеллажу, открыв дверцу, он достал фотоальбом в бархатном переплёте и начал показывать фотографии. «Когда я нашёл Галю под куском стены, подумал, что её придавило. Но как я был счастлив, когда узнал, что она жива. Я позвал Мишку, которому удалось уцелеть, вместе мы вытащили её. Взяв Галю на руки и созвав всех остальных ребят, мы перешли в уцелевшее крыло. Я признался ей в любви, потому что потом могло быть уже поздно». Наш разговор прервала бабушка, позвав нас пить чай.

Больше мы никогда не возвращались к этой теме. Но теперь я знаю — у меня есть своя история той войны, и мне есть, что рассказать своим детям.

Марина Фарина

Фото: кадр из к/ф «Летят журавли»

ПЁС ПО КЛИЧКЕ АЛЬФА

Вечером в субботу тринадцатого сентября Алексей Смирнов наверняка пришел домой в отвратительном настроении. Схватил жену за плечи, крепко прижал к себе, поцеловал в густые распущенные волосы и решительно отстранил. Достал из подсобки самую ценную (поскольку единственную) бутылку, небрежно накидал в стакан толстые кубики льда и от души залил их виски. Вечером в субботу тринадцатого сентября Зоя Смирнова наверняка не дождалась домой своего сына – он остался где-то на пересечении Курчатова и Политехнической. Вечером в субботу тринадцатого сентября мир не узнал о смерти самого смелого и отважного борца за жизнь – бездомного пса по кличке Альфа.

Народный пёс, верный друг жителей блокадного Ленинграда

Родившись накануне объявления начала военных действий с Германией, где-то между вечно пустыющими, мрачными прилавками и подворотной шпаной, встречающей рассвет в смертельном полуприсяде, Альфа сразу понял, что ждать от жизни щенячьего восторга ему не придется. В первые годы войны его воспитывали студенты местного Политеха, использовавшие институт как убежище от наземных и воздушных обстрелов. За его стенами они чувствовали себя в безопасности, забывая о страшном и изнуряющем времени. Огромный холл в тёмных тонах будто создавал невидимую, но совершенно непробиваемую стену, за пределами которой каждую минуту убивали сотни мирных жителей. Студенты появлялись здесь, чтобы просто посмотреть друг другу в глаза, поделиться житейскими, возможно, чересчур глупыми банальностями. Но, не придя сюда, они бы вряд ли узнали, что вчера Витька поцеловал Машеньку, а та зарыдала, то ли от внезапной смелости, то ли от непростой природы поведения беззащитного возлюбленного. А Колька, сын отставного майора, наконец-то смог приготовить не подгоревшую гречневую кашу для

своей младшенькой. Все эти истории гордо, с большим интересом слушал и запоминал внимательный Альфа. Он активно участвовал в беседах, опуская нижнюю челюсть со всем её внутренним содержимым на пол, бодро виляя хвостиком и в редкие минуты звонкого хохота разбавлял веселье лаем. Иногда невидимая стена иллюзий рушилась из-за близ раздающихся взрывов. Тогда Альфа нервно поднимал левое ухо, секунду обдумывал план своей наступательно-спасательной операции, вздрагивал и мчался навстречу смерти.

Так прошло около года. За это время изменилось многое: город покрылся бесчисленными трупами, на улицах гробовую тишину прерывали пролетающие над разбитыми домами шумные вертолеты, несчастные женщины оплакивали своих навсегда застывших детей. Студенты уже не приходили навещать Альфу. Не потому, что не хотели, а потому, что не могли. Многие из них добровольцами ушли на фронт, многие уже погибли. Вот так, спустя год Альфа остался один наедине с мрачными, холодными, страшными стенами института. Однако этот доблестный пес никогда не сидел, сложа лапы. Даже

в тот момент, когда понял, что дружеские беседы остались в прошлом, он осознал свой долг перед теми студентами, перед своими спасителями, перед зданием, которое укрывало его и не давало умереть от холода, наконец, перед погибающим Ленинградом. Тощий и слабый, он выходил сражаться с сильным и беспощадным врагом. Как-то фашисты сбросили бомбу прямо на жилую пятиэтажку, в одной из квартир которой без пристрастия осталась маленькая девочка лет семи-восьми, не более. Её мать ушла получать ежедневную порцию продуктов. Она ушла из красивого дома с декоративными врезными узорами, а вернулась в заваленное толстыми стенными блоками и кирпичами месиво. Но самым страшным

было то, что где-то между тяжёлыми бетонными плитами находилась маленькая, голодная, измождённая девочка. Альфа своим худощавым туловищем пронорнул в гущу завалов и нашёл её. Так было спасено немало других ленинградцев, и все они прямо или косвенно обязаны необычному смельчаку. Альфе не суждено было получить никаких наград, кроме словесной благодарности. Он скончался на третьем году жизни от изнеможения всё там же, где-то между вечно пустыющими, мрачными прилавками и подворотной шпаной, встречающей рассвет в смертельном полуприсяде.

В последние два года, когда студенты покинули город, за Альфой приставил мой прадедушка Алексей

Смирнов вместе со своим сыном Валерой. Но у Альфы никогда не было хозяина, точнее, он их не признавал. Он не мог подчиняться и служить кому-то одному, он был народным псом и спасительным маяком для многих жителей блокадного Ленинграда. Был ли он счастлив? Думаю, что да. Ведь на его счету не одна спасённая человеческая судьба. Значит, он прожил счастливые два с половиной года. Песчаная дворняга с подгоревшей шерстью наверняка счастлива и теперь. Потому что коктейли Молотова иногда попадают в цель. А такие доблестные псы – наверняка, мне кажется, в рай.

Елена Коротич

ДРУГАЯ СТОРОНА

В первые послевоенные годы в сознании советского народа сложился образ немецкого фашиста – лютого, жестокого и слегка глуповатого, у которого начисто отсутствует всяческое сочувствие и понимание.

Однако в последнее время появились художественные фильмы и литературные произведения, где отдельные немцы иногда представлены в совершенно ином свете: противники войны, насильно мобилизованные в армию, они пытались проявить лучшие человеческие качества, что выразилось, в первую очередь, в гуманном отношении к оккупированному населению. Мне часто приходилось наблюдать, как после праздничных застольных разговоров в День Победы прабабушка вздыхала и задумчиво говорила: «Немцы тоже разные были, не все фашисты...». И вспоминала те события, которые произошли с ней в годы Великой Отечественной войны.

Когда моей прабабушке исполнилось шестнадцать лет, она была интернирована в Восточную Пруссию,

Твоя национальность неважна, главное – быть Человеком

где попала к старикам, оба сына которых погибли на восточном фронте. Несмотря на то, что они были немцами, а сыновья погибли от рук советских

солдат, хозяева ненавидели войну и фашизм и очень хорошо относились к людям, работавшим в их доме. После освобождения советскими

войсками Восточной Пруссии старики, у которых трудилась моя прабабушка, даже предлагали ей остаться в доме и жить вместе с ними. Однако та отказалась и отправилась в свою родную деревню.

Как-то в их деревню въезжала танковая колонна. Немцы заметили, что на дороге лежит ребёнок. Они остановились, подобрали младенца и занесли в первый попавшийся дом, который не отличался особыми изысками, а совсем наоборот, это был старая, почти разрушенная изба, где жили бабушка с дедушкой. Оставив ребёнка у них, офицер написал послание на стене, после чего до конца страшной войны в этот старый, почти развалившийся дом никто из захватчиков не входил. Теперь, спустя годы, остается только гадать, что же там было написано.

У бабушки во дворе всегда было очень ухожено и красиво – повсюду клумбы и много цветов. Однажды один из немецких механиков заехал за ограду, чтобы отремонтировать свой танк. После долгой работы решил проверить, хорошо ли он всё сделал, завёл танк и развернулся прямо на цветах. Офицер, заметив, что клумба разрушена, отругал солдата, заставив привести её в порядок.

Сейчас, слушая эти воспоминания, спустя много лет после войны, начинаешь ценить ту гуманность людей по другую сторону линии фронта, то чувство, которое позволило даже в суровых условиях войны человеку оставаться человеком.

Татьяна Игнатьева

БЫТЬ ТАМ, ГДЕ ТЫ НУЖНЕЕ

Множество тёмных пятен в многовековой истории нашей Родины. К их палитре примешались ещё свежие кровавые следы афганской войны, о которой больно вспоминать, в которой стыдно признаться.

Но возможно ли этим оправдать предательство памяти молодых ребят? Ведь не то страшно, что они погибли, выполняя свой долг, а то, что их подвиг обесценился: памятных дат мы не отмечаем, мемориалов, если повезёт, по одному на город, а ветераны попросту вынуждены прозябать в бедственном положении. Но пока ещё живы те, кто смотрел войне в лицо, и их руками восстанавливается национальное достояние.

Всероссийская общественная организация ветеранов «Боевое братство», существующая с 1997 года, объединила все ветеранские организации под своим началом для серьёзной работы по социально-правовой защите ветеранов и проведению военно-патриотической политики среди молодёжи. В 2008 году открылось петербургское отделение движения «Боевое братство», председателем и инициатором создания которого является депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга Игорь Владимирович Высоцкий. Лично с ним мне и посчастливилось побеседовать в преддверии юбилея Победы.

От солдата до депутата

Мечта защищать Родину из детских уст звучит ещё достойнее. Годы шли, она сбылась: оставив за спиной кадетское и артиллерийское командные училища, паренёк, к тому времени лейтенант-десантник, стал в числе «кирпичиков» каменной стены, ограждающей страну от напастей. Было то в задымлённом и кровавом 1979-м.

Но и стены сокрушаются от удара в упор: притаившийся душман из-за скалы обстрелял экипаж, в составе которого находился наш герой, оставшийся одним из двух выживших. Ну а дальше... дальше военные госпитали, операции, невыносимые боли и жирный крест на военной карьере.

Но поистине силён тот, кто обессилен. Вот и наш, теперь уже военный пенсионер недюжинным усилием воли восстановился после ранения и оказался на юридическом факультете Государственного университета. Избрав путь правозащитника, он с «гражданки» стал защищать военных собратьев, что пожизненно считает своим долгом.

В 1994 выиграл выборы, теперь он — депутат ЗАКСа и председатель петербургского отделения «Боевого братства». Тот самый лейтенант Игорь Высоцкий, которому, казалось, не суждено будет прожить без посторонней помощи.

Обещал — увековечу

К моменту занятия Высоцким должности председателя петербургского отделения «Боевого братства», в городе не существовало до тех пор ни одного мемориала,

Двери депутатской приёмной всегда открыты для посетителей

льготного жилья ветераны могли дожидаться в течение двадцати лет, а социальные выплаты как таковые не были предусмотрены, как и бесплатное медицинское обслуживание. «Мы объединились, чтобы отстаивать интересы ветеранов, быть сильными. А когда меня выбирали, я, прежде всего, обещал увековечить память героев», — признаётся Игорь Владимирович. Сказано — сделано, и с 1998 года парк Интернационалистов (на пересечении проспекта Славы и Бухарестской улицы) украшает монумент погибшим воинам, который позже признали лучшим в СНГ.

Вопрос социального обеспечения решался совместно с Валентиной Матвиенко: был разработан законопроект о выдаче премий инвалидам и их семьям. Добиться повышения пенсий ветеранам оказалось куда сложнее: с третьего раза после личной беседы с президентом указ, наконец, подписали.

15 февраля прошлого года отмечалось 25-летие вывода советских войск из Афганистана. В честь этого события в Смольном 200 ветеранам вручили государственные юбилейные медали, после чего для них аннулировалась очередь на получение жилья, что депутат считает главным достижением «Боевого братства».

Сфера деятельности организации включает не только ветеранов афганской, но и Великой Отечественной войны, которым также выдаются премии и повышены пенсии. А 8 мая у них в планах проведение концерта в Ледовом дворце с вручением медалей и подарков.

На вопрос, в чём секрет такой успешной работы, Игорь Владимирович ответил: «Афганское братство — крепкое. Это люди, которые всегда приходят на помощь друг другу. За 10 лет более одного мил-

лиона человек прошли Афганистан, мы — настоящая команда!». На 15-летие организации петербургское отделение признали самым лучшим. Кстати, список их достижений вскоре пополнится ещё одним: в парке Воинской Славы (метро «Проспект Большевиков») 31 июля откроется памятник погибшим в Чечне 15 лет назад воинам шестой роты.

Солдатами не рождаются, солдат воспитывают

Моё знакомство с Игорем Владимировичем произошло, когда я впервые из его рук получила премию за успехи в учёбе. С бывшим директором моей школы они вместе реализовали множество проектов. К примеру, ежегодный парад Победы, в котором принимают участие курсанты суворовского и нахимовского училищ, а также ученики школ моего микрорайона. В его границах он и проводился, а возглавляли шествие ветераны, расположившиеся в ретро-технике.

«Правда, менястораживает, что в учебниках по истории происходит искажение фактов», — с горечью замечает собеседник. Действительно, нашему поколению теперь не оценить, чего стоило мирное урегулирование. И оттого ещё горше ветеранам видеть потомков, прозябающих под воздействием дурманов, прекрасно зная, что все наркотрафики в Россию проложены из Афганистана. «Наша цель — не допустить! Для этого мы заключили соглашение с наркоконтролем, а с ребятами проводятся беседы профессиональных психологов, — сообщил Высоцкий. — Надо занимать и стимулировать молодёжь: создавать клубы по интересам, поощрять спорт, проводить массовые семейные мероприятия», — вдохновенно продолжал он.

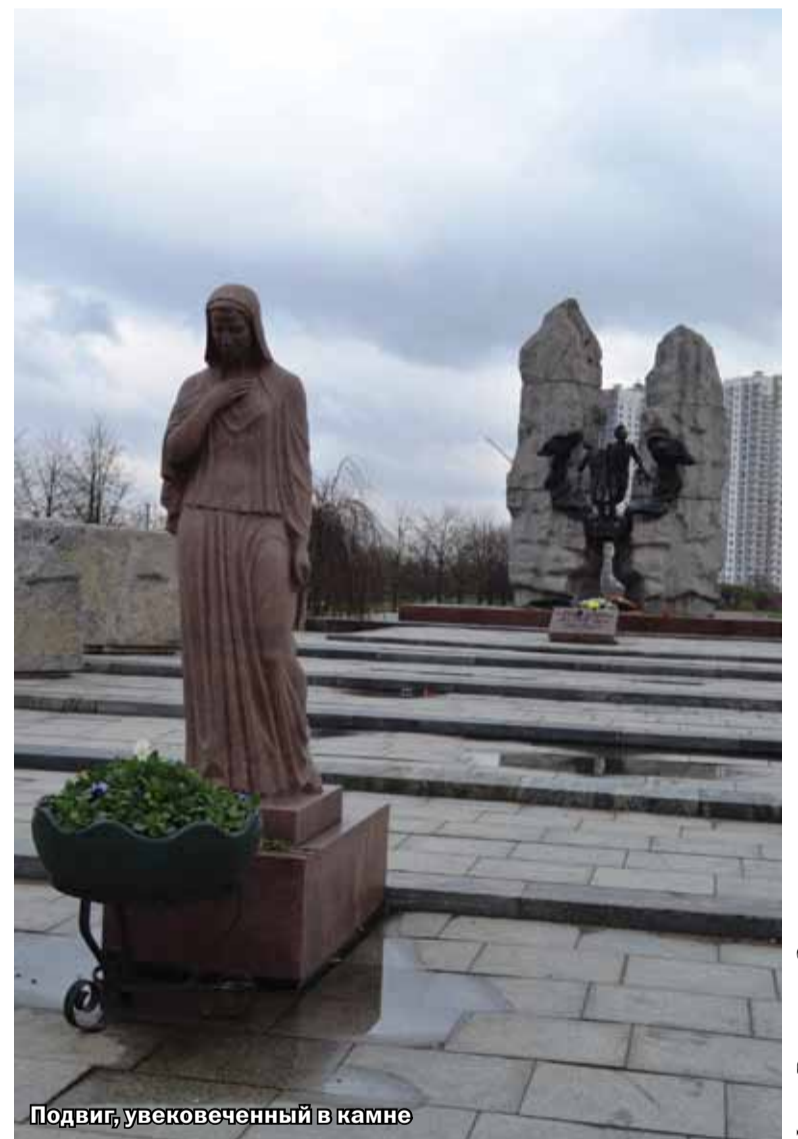
Ты помнишь бой за перевал?
И те слова, что мне сказал?
Что нету дружбы крепче той,
Чем опалённая войной.

Важней наград была нам честь.
Ты на приказ ответил: «Есть!»
Я помню твой прощальный взгляд.
И в ночь ушёл разведотряд.

О! Как мечтали мы порой
Вернуться с той войны домой.
Увидеть Мойку и Неву,
И белой ночи тишину.

Нет, не напрасна боль потерь.
Ты мне, мой друг, сейчас поверь.
Как испытанье был нам дан
Моя судьба — Афганистан.

И. В. Высоцкий

Подвиг, увековеченный в камне

«У меня слёзы наворачивались при мысли о молодом пополнении, ведь 90% смертей случилось по неосторожности», — всерьёз вспоминает Игорь Владимирович. — Чтобы этого не допустить, нужна начальная военная подготовка в школах, мы уже заключили договор с Северо-Западным военным округом. А пока ребят вывозим в Сертолово, там они

живут в казармах, узнают азы военной службы».

Удивительный путь удивительного человека не увенчан небывалой славой, но представляет собой искренние его убеждения. «Этим надо жить», — поведал свой секрет Игорь Владимирович Высоцкий.

Виктория Степанова

ЖИЗНЬ ЦЕНОЙ В ОДНУ ГАЛЕТУ

Прохладный осенний день. Ветер слабо развеивает волосы мальчишки. Он смотрит в небо, а там птицы. Мальчик, конечно, не может улететь, но почему бы ему не убежать? Через поле, далеко-далеко. Убежать туда, где будет спокойно, и никто не найдёт. Вроде ничего не должно ему мешать, кроме холода железа, прислонённого к виску, и угроз, звучащих на немецком. Ребёнок стоит, не двигаясь, а пуля ждёт, чтобы попасть в цель...

Дедушке было всего шесть, когда в родное село, находящееся в Николаевской области, пришли фашисты. Однажды утром они просто ворвались в дом и начали угрожать. Говорили, что если вся семья не будет их слушаться и подчиняться, то немцы убьют каждого из них. Конечно, никто не хотел умирать. Да и что могут сделать мужчина, женщина и двое детей, когда перед ними стоит около двух десятков вооружённых людей в форме. Орлы, черепа на фуражках... Целая стая орлов и кладбище черепов — именно такими на всю жизнь запомнились дедушке нацисты. Этот кошмар растянулся на три года. Что это время для маленького ребёнка? Это три года игр, разбитых о землю коленок, рыбалки, словом — три года детства. Для дедушки и его семьи это время было совершенно другим. Три года питания галетами, работы в поле, жизни на печи, три года страха. Постоянного, такого, который каждый день заставлял маленького ребенка смотреть на дверь, окна и думать о побеге. Вот только отсюда не сбежать: застрелят раньше, чем успеешь перепрыгнуть через забор.

Фашисты пришли в дом не просто жить. Они разбили госпиталь в одной из комнат. Куча раненых, зловоние, кровь на полу. В этой антисанитарии

проводились операции, удалялись части тела. Чтобы избавляться от них, немцы решили использовать колодезь, стоявший во дворе. Со временем он наполнился огромным количеством ампутированных конечностей. На улице, в доме, везде стоял запах трупов и смерти. Даже после того, как фашисты ушли, он ещё долго преследовал дедушку и всех его родных.

В другой комнате немцы спали. Там же жили и дедушка с семьёй. Им было выделено место на печи, находившейся в глубине комнаты, что не давало никакой возможности для побега. Дедушка и его брат всей душой хотели хоть как-нибудь насолить фашистам, поэтому крали у них галеты. На вопрос, почему именно их, дедушка смеётся и отвечает:

— Во-первых, нам очень сильно хотелось кушать. Всё, что угодно. Даже безвкусные галеты нам казались чем-то невероятным. А во-вторых, мы старались хоть как-то ослабить фашистов и помочь нашим. Голодный фашист — слабый фашист, а слабый фашист — мёртвый фашист.

Но однажды мальчишка попался, один из нацистов заметил, как он тащит галету. Немец сразу отреагировал, вытащил дедушку на улицу, выкрикивая при этом что-то на своём языке,

а потом приставил автомат к виску ребёнка. Приготовился нажать на курок, но не успел — другой солдат его остановил. Достал фотографию из кармана, начал указывать сначала на дедушку, а затем на фотографию и что-то говорить. Как оказалось, нацист говорил о том, что у него тоже есть сын, а дети есть дети, независимо от их происхождения. Их нельзя убивать.

Дедушке и его семье пришлось пережить многое, но всё это не заставило его покинуть отчий дом, который три года являлся для него чуть ли не тюрьмой.

Сейчас дедушка живёт в Санкт-Петербурге. Переехал совсем недавно, около полутора лет назад. На вопрос, почему же бросил родное село и дом, в котором провёл почти всю жизнь, отвечает, что не может больше смотреть, как рушат страну. Ему надоело, что соседи и даже родственники кличут москалём и ненавидят за глаза лишь из-за того, что он не поддерживает новое правительство и называет их ворами.

Человек, который пережил три года ужаса, пыток и голода, уехал из родного дома. Не смог больше терпеть людской глупости и подлости. Он устал испытывать стыд за свою родину.

Анастасия Юхименко

Иллюстрация: Анастасия Юхименко

НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ

В политике врут о многом: про химическое оружие, про террористов и про другие провоцирующие на конфликт вещи. Но именно сейчас западные политики зашли слишком далеко, они посягнули на нашу историю, на историю Великой Отечественной войны.

И дело даже не в том, что Барак Обама отказался посетить парад в честь 70-летия со дня Великой Победы в Москве. Увы, политика теперь везде, а борьба за мировое господство перешагнула все нормы морали. Что же, на это можно закрыть глаза, не приедет — так не приедет. Но тут же в голове всплывает другая небылица, которую журналистам поведал Гжегож Схетына, министр иностранных дел Польши. Господин Гжегож заявил, что Россия в освобождении Освенцима не участвовала, таким образом аргументируя причину отсутствия приглашения Владимира Владимировича Путина на 70-летие годовщины избавления узников Освенцима из фашистских застенков. Доводы строятся на одном факте: первыми в лагерь вошли бойцы Украинского фронта, а, следовательно, именно украинцы и освободили пленников. Польского министра, да и всю Европу не особо волнует тот факт, что на карте мира в сороковые годы прошлого столетия Украина и Россия отсутствуют как отдельные государства, тогда был единый Советский Союз. И Освенцим 27 января 1945 года освобождала не российская,

У кого-то это вызывает улыбку, но неужели тут есть над чем потешаться?!

не украинская, а советская армия. Нашу историю и тут умудрились намеренно перевернуть, чтобы в очередной раз намекнуть на «незначительный вклад» русского народа в общую победу над фашизмом.

Спустя две недели мир снова взорвался общим негодованием. В эстонском городе Тарту поляки (которые, к слову, очень пострадали от деяний Третьего Рейха) открыли «юмористическую» выставку о холокосте.

Сначала даже не понимаешь, как слова «юмор» и «холокост» могут вообще стоять рядом. Для отдельных же «европейцев» это в порядке вещей.

Суть мероприятия — представить серьезные вещи в облегченном

варианте, а на деле — спровоцировать небезразличных (сразу же вспоминаешь французские карикатуры). На выставке, помимо экспонатов, нарушающих все мыслимые нормы морали и нравственности, демонстрировались два коротких ролика. Первый изображал обнажённых людей, узников Освенцима, которые играют в салки в газовой камере. Во втором ролике пожилому мужчине в тату салоне предлагают обновить номер, сделанный во время заключения. Несмотря на недовольство общественности, выставку не закрыли, а лишь изъяли ролики.

Запад устроил очередную провокацию, чтобы ещё раз, намеренно, перед юбилеем Победы, задеть наше чувство патриотизма, любви к Родине.

Европа пытается забыть историю Второй Мировой войны, но мы сегодня хотим сказать, что помним и никогда не забудем реальный ход событий. Хочется надеяться, что по прошествии 70 лет после Победы, политики, вороша прошлое, смогут мирно договориться о судьбе нашего общего дома — Европы.

Даниил Берестовский

ДОМ, КОТОРОГО НЕ СТАЛО

Совсем недавно я впервые посмотрела фильм Фёдора Бондарчука «Сталинград». Отзывы о нём очень разнятся – от восторженных до крайне негативных. Но и те, кому картина понравилась, и те, кто возмущался после просмотра, признают: работа операторов и декораторов если не безупречна, то близка к тому.

После съёмок декорации посёлок Сапёрный бросили на произвол судьбы, и съёмочная площадка заросла травой, но стала ещё привлекательнее для некоторых молодых людей – сталкеров.

Мой родной город – Волгоград, и когда я приехала на место проведения съёмки, то поняла, что многое здесь мне знакомо. С каждым шагом я узнавала всё больше: вот правительственное здание, вот башня пожарной безопасности, вокзал. Я ходила по своему городу в поселке Сапёрный под Питером, где действительно построили маленький Волгоград.

Недавно в очередной раз поехала посмотреть на декорации бессмертного города, но стоило мне сойти с перрона, то тревожное ощущение поселилось в груди и уже не покидало меня. Несколько шагов, и ты уже на «точке отправления». Преодолеваешь привычное ограждение и готовишься увидеть за высокими стволами деревьев знакомые и уже ставшие родными интерьеры. Состаренные здания, чересчур реалистичные декорации. Под ногами крапива, её листья, усыпанные росой, жалют оголённые голени.

В тот раз, пробираясь сквозь колючий кустарник, я как будто бы возвращалась

домой, где меня ждёт семья, родной деревенский дворик и заунывно скрипучая скамья. Стоит сесть на неё, и в голове начнут мелькать эпизоды детства, юношества, моего ещё продолжающегося взросления...

Лесополоса прерывается. Я наслаждаюсь прикосновением высокой сухой травы к телу, осторожно разводя её руками. Этот отрезок пути напоминал степь или заброшенное колхозниками поле, которых было немало в настоящем Волгограде.

Высокая степная трава наполняла мою грудь уже новыми ощущениями: казалось, когда я выберусь на волю, меня ждет что-то совершенно новое.

В просветах травы мелькают остовы декораций, и вот я застаиваю перед панорамой. Солнце больше не хочет освещать купол небосвода, да и озарять-то уже нечего. Кудрявые тучи, как бы взявшись за руки, давят с особым усердием. Передо мной уже нет ни домов, ни башни пожарной безопасности, ни вокзала. Желтые механические краны с аппетитом пожирают остатки декораций.

Возбравшись на небольшую башенку, возвышавшуюся над грудой мощного тела «Сталинграда», я так и

Разрушенные памятники пионерам – невероятно жуткое зрелище

сидела. Чистый воздух казался едким дымом, вставая комом в горле. Откуда-то доносились крики рабочих и приглушённый лай собак, но это уже было на периферии моего сознания.

Куда-то улетучился страх от незаконного посещения частных владений. Осталась только картинка – здания, точнее, их обломки и кирпичи. Почти все постройки сливались в одну серо-красную гамму, напоминая свежую кровь на истощённых русских землях.

Когда я возвращалась, проливной дождь загораживал сплошной стеной место гибели «Сталинграда». Мокрая трава хлестала по ногам, заставляя замедлить шаг, и было уже не важно, успею ли я на последнюю электричку.

Проходя по перрону, увидела скамейку и сидящую на ней старушку. Я присела рядом, и бабушка посмотрела на меня глубокими и добродушными глазами, наполненными горечью от пережитого, и сказала: «Сейчас дом есть, и на том спасибо».

Всего несколько слов, выразивших всё моё состояние.

Она погладила меня по плечу, старческие глаза заискрились чем-то живым, капли дождя слезинками скатывались по щекам, а морщины около губ сложились в улыбку.

Декоративный Сталинград снесли, но он остался в сердце – как в молодом, так и в старом.

Алина Летнева

ОНИ ЖИЛИ БОЛЬШОЙ СЕМЬЕЙ...

Когда началась война, моей бабушке, Тамаре Петровне Пытковой (урожденная Гусева-Тургенева), было пять. Совсем ребенком, окружённая родительской лаской, множеством сестёр, проживая в красивейшем городе, она попала в эту страшную реальность под названием «Блокада».

Они жили большой семьёй в центре Ленинграда, на Моховой, с мамой, папой, тётёй и четырьмя сёстрами. Поначалу всё было не так уж и страшно: будучи совсем маленькой, бабушка не до конца осознавала, что происходит. Её мама работала в аэропорту, отца она помнит плохо – только то, что он всегда приходил домой в форме, видимо, состоял на службе. На работе им давали большие пайки. Бабушка помнит то время, когда беззаботные дети играли с осколками стёкол после, тогда ещё казавшихся чем-то далёким и редким, бомбёжек. Затем отец ушёл на фронт. Ушёл и больше не вернулся никогда. До сих пор он считается пропавшим без вести, и это было первой потерей для их семьи. Дальше бабушка пережила целую череду смертей – за два года одна за другой умерли её сестры, затем и тётя. В итоге она оказалась с мамой совсем одна. Кроме этого – сокращение пайков, холод, постоянные обстрелы. Всё это навсегда осталось в памяти.

Мама сдала ребёнка в детдом, чтобы её побыстрее эвакуировали.

В детских домах ребята получали скудное пропитание и ласку взамен потерявшейся или погибшей семьи

Так и случилось: в сентябре 1943 года бабушку посадили на корабль и повезли через Неву на Большую землю. Но и здесь, казалось бы, на пути к спасению, её ждало новое испытание – корабль, на котором она плыла, начали бомбить с самолёта фашисты. Бомба попала в бок судна, и, пока оно медленно тонуло, людей перебрасывали на другое, вовремя подоспевшее. Моя бабушка

буквально родилась в рубашке – её, маленькую и истощённую, удалось перебросить, и она благополучно добралась до спасительного берега. Потом направили в детский дом в Ярославскую область, где впоследствии мама её нашла. Но это тоже было несладкое время: они бродили с большой группой людей по деревьям в поисках еды, потому что кушать было совершенно нечего.

Рассказывая всё это, бабушка не может удержаться от слёз спустя столько лет... Она вспоминает, как толпа детей бежала с рассветом к домам, потому что если вдруг успеешь – тебе ничего не доставится. А доставалось и так немного – остатки гороха, каких-то круп и овощей.

Пережив всё это, весной 1944 года она с матерью вернулась в Ленинград. Но, придя в свою старую квартиру, они обнаружили там мастерскую, а взамен им дали землянку. Тогда это было даже выгоднее, так как рядом с землянкой можно разбить огород, пасти скот. Поэтому никто не стал оспаривать собственность квартиры. Потом землянку сменил обычный деревенский дом, так они там и остались. Но прошлой весной мне захотелось съездить в старую квартиру своей бабушки, чтобы попробовать живо представить все те ужасы, которые ей пришлось испытать. Обойдя весь двор и все парадные, я не нашла там нужного номера квартиры. Оказалось, что в помещении их бывшей квартиры в советское время размещались раз-

личные организации, а сейчас там находится обычный хозяйственный магазин. Так странно и страшно делалось мне, когда я видела все эти бутылочки, склянки, инструменты. Там, где голодала моя бабушка, где умирали её самые близкие люди, теперь буднично ходят посторонние, совершаются покупки. Облупившаяся краска на стенах, облупившиеся воспоминания...

Да, воспоминания стираются. То, что ещё вчера было так ярко и дорого, сегодня поблёкло в среде будничных дел и мелочей. Но то, что мы не должны забывать – это те страдания, которые пережили наши близкие ради того, чтобы жили мы. Война – это страшная, страшная и бессмысленная вещь, но жертвы отданы не просто так. Сейчас мы существуем благодаря им. И поэтому мы должны быть благодарны. И поэтому мы должны учиться не совершать ошибок, чтобы не пережить того, что пережили наши предки. И поэтому мы должны помнить.

Анастасия Кирьянова

БАБУШКА НА ТРИ ТРИЛЛИОНА

Килограммом конфет я был одарён, когда год назад навещал ветеранов в преддверии Дня Победы. Должен сказать, что многие из них живут не в самых лучших условиях, зачастую даже в очень скудных и бедных. Один раз, перед тем, как приступить к очередному волонтерскому рейду, когда все бабушки и дедушки были уже оповещены, нас предупредили, что первая бабушка совсем старенькая и, скорее всего, в силу возраста имеет некоторые «сдвиги». Затем вручили подарки в виде постельного белья и открыток. Так мы и отправились в путь.

Когда же пришли на место, то увидели настоящую помойку. На полу валялись и книги, и мусор, и животные отходы. Сначала мы подумали: «Всё ясно, нас предупреждали», но, немного пообщавшись с хозяйкой, узнали, что та совсем недавно лишилась семьи. «Разбились, — сказала старушка. — Некому теперь мне помогать. А я женщина старая, больная, не в силах постоянно за всем следить. Даже за котом толком убрать не могу — не согнуться попросту». Да и квартира у неё была однокомнатная, с еле живым санузлом. Мы решили прибраться, пока было время. Ведь другие социальные службы перегружены работой и, скорее всего, в ближайшее время бабушке никто помочь не сможет. А оставлять одинокую старушку под завалом мусора совсем не хотелось. Наведя порядок, начали двигаться ближе к двери. Мы понимали, что работа есть работа — помимо неё осталось ещё человек пять, которых тоже нужно обойти. Среди них оказалась и наша следующая мадам.

Всё началось с того, что она попросту не захотела открывать дверь. Нам пришлось хорошо постараться, чтобы крики «Жуль! Убирайтесь!» прекратились. Когда вошли, то увидели просто нереально огромную 7-ми комнатную квартиру. Сказать, что удивились — ничего не сказать. Женщина была явно обеспеченной. И, судя по всему, сильно опасалась за своё добро. Она не сказала даже

Единственная радость в жизни Зинаиды Анатольевны — её кошка

банальное «спасибо» за поздравления, а просто молча взяла подарок и выгнала нас из квартиры. Возмущаться не стали, ведь «мало ли кто по квартирам ходит», — подумали мы, закрывая глаза на то, что она была оповещена заранее.

Наша следующая подопечная была на удивление доброй. Но, естественно, и тут не обошлось без жалоб на тяжёлую жизнь. Кроме того, она явно негативно отно-

силась к муниципалам, поэтому подарок приняла со словами: «Это бельё уже складывать некуда. Хоть бы фантазию проявили!». Также она выразила сильное недовольство по поводу работы, которую проводит глава муниципального округа для благоустройства района: «Ни скамеек не поставит, ни снег не убьёт».

После этих разговоров я и задумался, как живётся ветеранам и

просто пожилым людям за границей. Неужели даже в победённых странах о ветеранах заботятся лучше, чем в странах-победителях? И действительно получилось так, что среднестатистический немецкий пенсионер получает 70 тысяч рублей, а датчанин и вовсе 200 тысяч. Но почему же? А ответ прост: доля пожилых на массу населения России составляет 40% (уж слишком много молодых

людей погибло в 90-е). И что бы вы думали! Россия каждый год тратит более трёх триллионов на пенсии, что в два раза больше средств, затраченных на проведение сочинской олимпиады. Из этого можно сделать вывод, что повышение пенсии в целом окажется негативно на экономике страны, где и так с ней проблемы. Поэтому сказать, что правительство не занимается этим вопросом, нельзя. Всё возможное для улучшения качества жизни людей за 60 уже делается, и притом давно. Нельзя не отметить также и относительно низкий пенсионный возраст в России, а именно: 55 лет — у женщин и 60 — у мужчин (для сравнения, в Германии 65 лет — женщины и 67 — мужчины). Тут подвох в другом. В той же Германии за пожилыми следят так, как не следят в России даже за президентом. Хоть правительство и старается делать всё возможное, этого мало. Нужно, как минимум, увеличить количество таких социальных служб. Неплохо было бы также увеличить их эффективность путём привлечения молодых профессионалов.

Много помидоров кидают в правительство нашей страны, но, целая красная снарядом, знай, что воровство у народа их кровных — не в интересах государства.

Андрей Круглов

Фото: Андрей Круглов

«Я, МАМА, ЛУЧШЕ ОТКОШУ-С...»

«Учитесь хорошо, чтобы попасть в университет! — всё чаще слышим мы по мере приближения к выпускным экзаменам. — А если вы, мальчики, не поступите, то столкнётесь с большой проблемой, называемой армией». Проблемой?

С удивлением наблюдаешь, как достижение призывного возраста для молодых людей становится трагедией. Ажиотаж вокруг вопроса «как откосить?» порой доходит до абсурда, когда ради заключения «негоден» призывники сознательно травмируют себя, руководствуясь мыслью, что лучше месяц полежать в больнице, чем идти в армию. И тут уж никакие социальные рекламы не помогают, ведь зачастую с самого детства будущий мужчина, пока ещё мальчик, знает: «На мой восемнадцатый день рождения откроется дверь, войдёт офицер в военной форме и протянет повестку, предписывающую необходимость службы в армии... но я же туда не пойду!». Как не пойдет туда ещё тысяча таких же, как он: «Армия? Нет, точно нет. Зачем тратить жизнь на бессмысленные построения? Да и терять её, знаете ли, тоже не особо хочется».

«Все мы — свободные люди, и нет ни одной причины, по которой мне бы хотелось проводить время в казармах. Так почему же я должен?» — такого мнения придерживаются многие. Но вот передо мной сидит старший брат, которому армия помогла определить жизненный путь, а ведь его он выбрал далеко не сразу. «Когда я учился в школе, то всегда думал, что служба в армии — это для недалёких ребят, что пойду учиться в университет, где есть военная кафедра, а посему и армия мне никогда не нужна будет, — с улыбкой произносит Саша, вспоминая давно прошедшее время. — Но так сложилось, что, когда окончил школу, немедленно получил ту самую повестку, и через четыре часа после вручения аттестата ушёл служить».

Тогда, будучи ещё юношей, Саша был поставлен перед выбором: многие предлагали ему «откосить». На кону

стояла молодая весёлая жизнь, красивая девушка, которую он безумно любил, верные друзья, возможность поступить в университет... «С другой стороны, — брат ненадолго задумывается и тихо усмехается, — я не мог себе представить, как буду избегать службы, искать способы отсрочить её. Это казалось постыдным и непристойным. А ещё у меня возникло чувство, что там я стану чем-то большим, смогу проверить себя и стать сильнее. Так появилась цель попасть в пограничные войска, на Кавказ, в Дагестан, где есть возможность преодолеть себя, свои слабости, утвердить идеалы и ценности».

После службы он уже точно понимал, что хочет сделать страну чуточку лучше, а потому и поступать решил в специализированный ведомственный ВУЗ ФСБ Москвы, где и учится с отличием. О своем выборе

ничуть не жалеет, отмечая широкий перечень плюсов, таких как стабильная зарплата, государственное обеспечение, бесплатный проезд по стране... «Конечно, есть и недочеты, но они компенсируются».

«Я считаю, что мужчине если и стоит чего-то бояться, то совсем немного. Обычно в моей структуре больше переживают за семью. И за нее готовы

стоять, — не задумываясь, произносит Саша, глядя на меня с искренней и доброй улыбкой на губах. — А за жизнь... не боюсь. И рискую ею ради страны, которую люблю, ради близких, которые мне дороги. Всё-таки я мужчина, а не мальчик».

Виктория Быкова

ПОБЕГ ИЗ ЛУГАНСКА

Казалось бы, мы живем в цивилизованном мире, и люди давно уже поняли, насколько бессмысленна война за его передел. Однако попадая на восток Украины, будто бы переносишься в далекий 1942. В потрёпанном Луганске толпы людей собираются на рынке в надежде найти в полупустых палатках хотя бы что-то съестное. Жители города по инерции ходят на работу, постоянно прислушиваясь – вдруг снова начнут бомбить, как в тот день, 20 июня, при обстреле сквера на Красной площади, когда погибли и пострадали десятки луганчан, а ответственность за произошедшее стрелками переводили с одной враждующей стороны на другую, так и не установив справедливость.

Помолитесь за нас

В потрёпанном Луганске толпы людей собираются на рынке в надежде найти в полупустых палатках хотя бы что-то съестное. Жители города по инерции ходят на работу, постоянно прислушиваясь – вдруг снова начнут бомбить, как в тот день, 20 июня, при обстреле сквера на Красной площади, когда погибли и пострадали десятки луганчан, а ответственность за произошедшее стрелками переводили с одной враждующей стороны на другую, так и не установив справедливость.

— Ну что, как у вас дела? — спрашивает мама тетю Лену по скайпу.

— Да нас опять бомбят! Дашку из садика мы забрали. Боевые действия ведутся неподалёку от нашего района, так что грохочет круглые сутки! Женька однажды с другом пошёл поглядеть на баррикады. Сидели там, пока пули не завистели над головой. Ополченец их страшно обругал, тогда они и драпанули со всех ног. Украинские СМИ в обстреле города винят ополчение, но мы же сами видим, что это не так. В общем, брешут, как только могут! Зарплаты не платят, пенсии тоже. Свежих продуктов — кот наплакал. Осталась только контрабанда, что везут из России. Что будет дальше — даже и не представляю!

— Так вам бы уехать, хотите, мы найдем квартиру в Питере? Или в Тихвине поживёте?

— Нет, спасибо. Женька в скором времени хочет перебраться

Среди обломков своих судеб люди стараются не падать духом и вернуться к прежней мирной жизни

в Россию, чтобы хоть какие-нибудь деньги заработать, а Дашу отправлю к бабушке. Сама как-нибудь тут. Передайте Юле и Андрею, чтоб за нас свечку поставили в Казанском соборе и поклонились иконе Божьей матери.

«Беженец» — не звучит позорно

— Мама, а шо это? А шо это? Где это? — восьмилетняя Саша спутала залпы салюта со звуками падения снарядов.

— Всё хорошо, это просто фейерверк запускают, — успокаивает её мама.

— А здесь больше не будут стрелять?

— Нет, мы же в России.

— Ну, встречайте! Беженцы-сепаратисты прибыли, — смеются Андрей и его жена Юлия, ведь, кажется, самое страшное в их жизни уже позади. Я говорю об обстрелах самого Луганска и территории на выезде из страны. «Мы приехали на границу, было тихо, поэтому все вместе решили прогуляться до магазина, — рассказывает Юлия. — Вдруг, когда уже прошли порядочное расстояние, ополчение засуетилось, и

один из бойцов стал быстро махать руками, кричать, чтобы все расцелись по машинам и уехали. Потом послышался грохот снарядов. Началась паника. У меня ещё не до конца зажила рана с того раза, как какой-то псих во дворе пырнул неожиданно ножом обо всём. Только бы добежать да уехать. Я и думать забыла о том, что может открыться кровотечение. Как назло, наша машина застряла в яме, пришлось вместе с попутчиками и солдатами её вытаскивать. Вроде бы благополучно добрались до Ростовской области. Я перешагнула через порог дома бабы Гали испуганная, уставшая, измученная бессонницей, прикинула к кровати спящей дочки и не могла сдержать слёз. Она спала так мирно и безмятежно, что, глядя на неё, я испытала настоящее счастье. Слава Богу, что ребёнок не видел тех ужасов, что видели мы».

Эти люди бежали от войны, которая ведётся и в настоящий момент, и последствия которой до сих пор показывают на федеральных телеканалах. Андрей и Юлия столкнулись с естественными трудностями беженцев: от

поиска жилья и работы до появления в душе гадкого ощущения, когда чувствуешь себя обузой для окружающих. Семья нашла приют неподалёку от Кировского завода. Мы помогли им деньгами, тёплой одеждой, чем могли, конечно, в первую очередь потому, что это наши родственники. Но стали бы мы помогать абсолютно чужим людям? На самом деле, сложный вопрос. Помощь на расстоянии, например, сбор посылок с гуманитарной помощью, отправление их через границу за тысячи километров, и один на один с человеком — вещи разные. Я слышала, как женщина делилась мнением с собеседницей: «Из Украины хотят приехать? О, нет, не смей их принимать! У моей подруги недавно появилась такая «сестра», так они в пух и прах разругались из-за жилплощади. Родственница теперь съезжать не хочет, квартиру оккупировала, а подруга мучается. Вот так, людям добра желаешь, протягиваешь руку помощи, а они садятся тебе на шею и делают вид, что так и было». Такое явление в нашей стране, как появление беженцев из Украины, содержит в себе и плюсы, и минусы. Например, приток

мигрантов обеспечивает кадрами нашу сферу услуг, но также и отбирает рабочие места у коренного населения. Беженцев часто обманывают работодатели, пользуясь тем, что им некуда деваться. Так было с простодушной пенсионеркой Лилией Антоновой, не подкованной в делах, связанных с бухгалтерией. Ей в самой безобразной манере задерживали зарплату, недоплачивали. Дети далеко, она совсем одна в такой знакомой, но всё-таки чужой стране, и вступить за неё, к сожалению, было некому.

Сейчас мой двоюродный брат из Луганска Андрей работает на заводе в Туле. Там ему и его семье предоставили жилье. Юлию устроили технологом, а дочь Саша переходит в третий класс. Девочка по скайпу хвастается своими хорошими оценками по английскому и тем, что умеет считать до десяти на иностранном языке. С первого взгляда и не скажешь, что на долю этой семьи выпали такие тяжёлые испытания. Но эти люди, наверное, действительно счастливы, хотя бы потому, что они вместе.

Евгения Горбунова

